

Леонтьев Константин Николаевич

**Собрание сочинений К.
Леонтьева**

Том 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
К65

К65 **Константин Николаевич Л.**
Собрание сочинений К. Леонтьева: Том 6 / Леонтьев Константин Николаевич –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 361 с.

ISBN 978-5-519-93171-7

ISBN 978-5-519-93171-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СРЕДНІЙ ЕВРОПЕЕЦЪ,

КАКЪ ИДЕАЛЪ И ОРУДІЕ ВСЕМІРНАГО РАЗРУШЕНІЯ.

Въ бумагахъ К. Леонтьева послѣ его смерти осталась рукопись, переписанная его племянницей, но съ помѣтками и исправленіями автора. На обложкѣ этой рукописи рукою К. Леонтьева написано: «Средній европеецъ, какъ идеаль и орудіе всемірнаго разрушенія. *Не окончено.* Начато сперва на *Двонъ* въ 72 году; оставлено на 12 лѣтъ, а въ 84, въ Москвѣ, я приступилъ къ продолженію. Не успѣлъ окончить. Переписывала оба раза Марья Влад. Разница въ ея почеркѣ обозначаетъ и разницу во времени моихъ занятій».

К. Леонтьевъ придавалъ большое значеніе этому труду. Начавъ его одновременно съ «Византизмомъ и славянствомъ», онъ неоднократно возвращался къ его продолженію и до самыхъ послѣднихъ дней своихъ собиралъ матеріалы для этого. По крайней мѣрѣ въ 1889 г. онъ писалъ своему другу К. А. Губастову въ Вѣну, чтобы тотъ доставилъ ему сочиненія Лассалы и Луи-Блана. «Лассалы (хоть что-нибудь, въ чемъ виденъ основной духъ его) и Луи-Блана мнѣ очень бы нужно имѣть для одной большой работы, которая — будетъ ли окончена или нѣтъ — но я надѣюсь, что если она останется послѣ меня и неоконченною, то будетъ имѣть цѣнность. Задача ея ясна изъ заглавія: «Средній европеецъ, какъ идеаль и какъ орудіе всемірнаго разрушенія». Безъ помощи социалистовъ какъ объ этомъ говорить?»

О роли и значеніи социализма въ ближайшемъ будущемъ говоритъ К. Леонтьевъ дальше въ томъ же письмѣ къ К. Губастову (которое будетъ напечатано въ числѣ другихъ писемъ въ двѣнадцатомъ томѣ нашего изданія). Эта именно тема была только *намѣчена* авторомъ, но не обработана въ послѣднихъ главахъ настоящей статьи. Печатаемъ ее въ томъ видѣ, какъ она найдена въ бумагахъ автора. По принципиальной важности темы, несмотря на недоговоренность въ иныхъ мѣстахъ, статья является естественнымъ продолженіемъ «Византизма и славянства» и сохраняетъ свой руководящій характеръ среди другихъ статей настоящаго тома.

I.

...*) Теперь посмотримъ, не подтвердитъ ли наше мнѣніе сама Европа устами самыхъ знаменитыхъ своихъ писателей.

Всѣ эти писатели на *разные лады* подтверждаютъ наше мнѣніе; всѣ согласны въ томъ, что *Европа смѣшивается* въ дѣйствительности и *упрощается* въ идеалѣ. Разница въ томъ, что иные почти довольны той степенью смѣшенія и упрощенія, на которой находилась или находится въ ихъ время Европа; другіе находятъ, что смѣшеніе еще очень недостаточно, и хотятъ крайняго однообразія, думая въ этомъ оцѣпенѣнны обрѣсти блаженство; а третьи негодуютъ и жалуются на это движеніе.

Къ 1-мъ относятся болѣе или менѣе всѣ люди умѣренно либеральные и умѣренно прогрессивные. Иные изъ нихъ не прочь отъ крайняго упрощенія, но боятся бунтовъ и крови и потому желаютъ, чтобы равенство *быта и ума* пришло постепенно.

1) Таковъ, напримѣръ, Bastiat въ своихъ «*Harmonies économiques*».

Его книга дорога именно тѣмъ, что она пошла и доступна всякому. Онъ говоритъ: «Мы не сомнѣваемся, что человѣчество придетъ ко всеобщему одинаковому уровню: матеріальному, нравственному и умственному»,—и очень, по-

*) Начала нѣтъ. Повидимому авторъ хотѣлъ кратко повторить свою мысль о періодѣ вторичнаго смѣсительнаго упрощенія, переживаемаго Европою. См. „Византизмъ и славянство“ т. V. Собр. соч. К. Леонтьева.

видимому, радъ этому; желаетъ только постепенности въ этомъ упрощеніи и формы его не предлагаетъ.

Таковъ Абу въ своей книгѣ: «Le progrès». Въ ней вы найдете тоже очень ясное расположеніе ко всеобщему однообразію. Въ одномъ мѣстѣ онъ смѣется надъ провинціальнымъ собственникомъ, который робѣетъ въ присутствіи префекта, забывая, что префектъ одѣтъ хорошо и живетъ хорошо на *подати, платимыя этимъ собственникомъ*; смѣется надъ матерями, которыя хотятъ одѣть сыновей своихъ въ *мундиры*, вмѣсто того, чтобы учить ихъ торговать или хозяйничать... (И мы готовы смѣяться надъ мундирами, но не за то, что ими поддерживается хоть какое-нибудь отличие въ правахъ и бытѣ, а за то, что они *пластически-безобразны* и европейски-опошлены.) Въ другомъ мѣстѣ Абу говоритъ: «конечно *храбрый генералъ, искусный дипломатъ* (un diplomate malicieux) и т. п. полезны, но они полезны для міра *въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть теперь*, а придетъ время, въ которое они не будутъ нужны». Вотъ и еще *двѣтри формы* людскаго *развитія*, *человѣческаго разнообразія*, *психическаго обособленія индивидуумовъ и націй* уничтожаются. Не позволены уже болѣе ни Бисмарки, ни Талейраны, ни Ришельё, ни Фридрихи и Наполеоны... Царей, конечно, нѣтъ и подавно. Про духовенство Абу прямо въ этомъ мѣстѣ не говоритъ, но онъ во многихъ другихъ мѣстахъ своей книги отзывается или съ недобросовѣстностью, или даже съ ненавистью о людяхъ *вѣрующихъ*. «Пускай себѣ кто хочетъ ходить въ синагогу, кто хочетъ въ протестантскую церковь и т. д.». Подразумѣвается: «это не страшно; съ этимъ прогрессъ справится легко!»

Кто же ему нуженъ?

Ему для прогресса нужны: *агрономы* (смотри дальше объ излишней обработкѣ земного шара, у Дж. С. Милля и Рилля), *профессора, фабриканты, работники, механики* и, наконецъ, *художники и поэты*... Прекрасно; понятно, что механикъ, агрономъ, *ученый* могутъ, какъ сыръ въ маслѣ, кататься, обращая *пышный шаръ земной* въ одну скучную и шумную мастерскую... Но что дѣлать *поэту и художнику* въ

этой мастерской?.. Они и безъ того задыхаются больше и больше въ современности. Не лучше ли сказать прямо, что и они вовсе ненужны, что безъ этой роскоши человечество можетъ благополучно прозябать. Есть люди, которые и рѣшались такъ говорить; но не таковъ Абу. Любопытно бы прослѣдить, о чемъ именно писали всѣ современные поэты и романисты и какіе сюжеты выбирали живописцы нашего времени для своихъ картинъ. Такого рода изслѣдованіе о писателяхъ XIX вѣка покажетъ намъ, что лучшіе изъ нихъ, если и брали сюжетами своими *современную жизнь*, то лишь потому, что въ ней много еще было остатковъ отъ прежней Европы и что то плоское, повальное, буржуазное просвѣщеніе, о которомъ заботится Абу, даже и для землепашца и работника еще въ дѣйствительности и не существовало. Во всѣхъ романахъ найдемъ интересныя, завлекательныя встрѣчи и столкновенія людей *различнаго* воспитанія, *противоположныхъ* убѣжденій, разнообразной психической выработки, крайне *различнаго* положенія въ обществѣ, людей съ *несходными* *сословными* *преданіями* (а иногда и *нравами*; напримѣръ, въ тѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ изображается время реставраціи, *перства* и т. п.). Посмотрите романы Зандъ: Индіана, Валентина, Мопра, Жакъ, Жанна и друг., и вы убѣдитесь, что на каждомъ шагу остатки *соціального неравенства*, религія, простота и грубая наивность сельскаго быта и изящныя потребности людей, имѣющихъ при имени своемъ частицу *де*, даютъ пищу ея таланту. Даже война, о которой, собственно, она мало писала, соприсутствуетъ, такъ сказать, органически каждому ея сюжету. Такъ, напр., полковникъ Дельмаръ, мужъ Индіаны, былъ бы, вѣроятно, нѣсколько иного характера, *если бы онъ не былъ полковникъ*. Мопра изъ семьи феодальныхъ разбойниковъ, и весь романъ наполненъ сценами опасности и битвъ. Герой уѣзжаетъ съ Ладгайетомъ на войну за независимость Америки и т. п. Въ кроткомъ пастушескомъ романѣ «*La petite Fadette*» вы встрѣчаете такую фразу въ устахъ крестьянина: «*les belles guerres de l'empereur Napoleon*». Сверхъ того, въ этомъ сельскомъ ро-

манѣ и въ другихъ сходныхъ съ нимъ мы встрѣчаемся съ другими наслѣдіями разнообразнаго и сложнаго прошедшаго Европы — съ религіей, съ уваженіемъ къ церковному браку и съ христіанской семьей и, съ другой стороны, съ чрезвычайно граціозными и милыми полуязыческими вѣрованіями въ колдуновъ, вѣдьмъ, въ такъ называемыхъ «*farfadets*» и т. п. Во всѣхъ романахъ, однимъ словомъ, больше или меньше опасностей физическихъ, борьба съ сословными и гражданскими препятствіями, встрѣча и любовь героевъ, принадлежащихъ къ совершенно различнымъ классамъ и кругамъ общества (князь Кароль и дочь рыбака Лукреція; графиня Валентина и сынъ крестьянина Бенедиктъ; философски образованная аристократка XVIII вѣка Эдмея и *дикий* юноша Мопрэ; вѣрующая крестьянка Жанна и молодые люди высшаго круга — англичанинъ и два француза, которые за нее спорятъ и т. д.); антитезы богатства и бѣдности, суевѣрій и философскаго ума, церковной христіанской поэзіи и поэзіи сладострастья... Къ тому же прибавимъ и національныя антитезы: англичане, нѣмцы и итальянцы играютъ въ твореніяхъ Зандъ не малую роль, и она всегда прекрасно обозначаетъ у этихъ иноземныхъ героевъ тѣ черты ихъ, которыя развились въ нихъ лично или наслѣдственно подъ впечатлѣніями прежней, болѣе обособленной націями и областями, болѣе сложной и разнообразной Европы. То же самое, болѣе или менѣе, мы найдемъ у Alf. de Musset, у Бальзака, у англійскихъ писателей, напимѣръ, у Диккенса.

Если бы въ романѣ *Копперфильдъ* не былъ замѣшанъ энергическій, блестящій и благородный, несмотря на свои пороки, *Стирфортъ*, если бы не было его гордой и несчастной матери, если бы не было, однимъ словомъ, аристократическаго элемента, — выигралъ романъ или проигралъ бы?... Я думаю, что много проигралъ бы. Беранже вдохновлялся *военной славой* республики и 1-ой Имперіи. Шатобрианъ *религіей* и томительной *романтической тоской разочарованія*, до котораго агрономамъ и фабрикантамъ не должно быть и дѣла. Ламартинъ, котораго вмѣстѣ съ жи-

вопищемъ Ingréс. Абу считаетъ необходимымъ для своего прогресса, столько же необходимымъ, сколько лучшаго химика и механика, вдохновлялся подобно Шатобриану церковной поэзіей, вѣрой, и аристократическій духъ въ немъ силенъ; такой поэтъ прогрессистами долженъ бы считаться или вреднымъ, если онъ вліятеленъ, или ничтожнымъ и презрѣннымъ. На что же онъ и ему подобные господину Абу?

Абу въ одномъ мѣстѣ очень жалуется на грубость французскихъ крестьянъ; описываетъ, какъ мужикъ бьетъ крѣпко ломувую лошадь свою; какъ молодые крестьяне грубо ухаживаютъ за дѣвушками... Онъ желаетъ, чтобы прогрессъ сдѣлалъ ихъ поскорѣе похожими на него самого, буржуазнаго наслѣдника прежней барской любезности. Объ этомъ у него цѣлый (немного хамовато-любезный) разговоръ съ дамой. Крестьяне кой-гдѣ во Франціи, конечно, еще грубы и наивны; еще болѣе ихъ, разумѣется, были грубы и наивны южно-итальянскіе рыбаки въ началѣ этого вѣка. Однако въ средѣ этихъ рыбаковъ Ламартинъ встрѣтилъ свою «Граціеллу», изображеніе которой считается однимъ изъ лучшихъ созданій его.

Что касается до живописца Ingréс и до другихъ художниковъ XIX вѣка, то и они вдохновлялись не буржуазнымъ вечеромъ или обѣдомъ, на которомъ Абу любезничалъ бы о прогрессѣ съ какой-нибудь мѣщанкой нашего времени, но все такими *явленіями жизни, которыя безъ разнообразія убѣжденій, быта и характеровъ немислимы*. Одинъ изображалъ чудесный переходъ евреевъ черезъ Красное море; другой *борьбу* гунновъ съ римлянами; третій сцены изъ *войнъ* консульства и имперіи; четвертый сцены изъ *ветхозавѣтной и евангельской исторіи*...

Если то, что въ XIX вѣкѣ принадлежитъ ему *исключительно* или преимущественно: машины, учителя, профессора и адвокаты, химическія лабораторіи, *буржуазная* роскошь и буржуазный развратъ, буржуазная умѣренность и буржуазная нравственность, полька *tremblante*, скюртукъ, цилиндръ и панталоны, — такъ мало вдохновительны для художниковъ, то чего же должно ожидать отъ искусства то-

гда, когда по желанію Абу не будутъ существовать ни цари, ни священники, ни полководцы, ни великіе государственные люди... Тогда, конечно, *не будетъ и художниковъ*.

О чемъ имъ пѣть тогда? и съ чего писать картины?..

Книга Абу — книга легкая и поверхностная; но поэтому самому многочленной читающей бездарности весьма доступная, и она теперь переведена даже и по-русски.

Поэтому мы и остановились на ней нѣсколько дольше, чѣмъ бы она заслуживала при тѣхъ серьезныхъ вопросахъ, которые насъ занимаютъ.

Напослѣдокъ замѣтимъ и еще одно.

Абу посвящаетъ книгу свою г-жѣ Ж.-Зандъ.

Преклоняясь передъ ея гениемъ, онъ говоритъ: «Я созналъ, что я уже человѣкъ немолодой, великимъ человѣкомъ никогда не буду (еще бы!); но я не лишень *здраваго смысла* и предназначенъ собирать крошки, упавшія со столовъ Рабле и Вольтера».

Г. Абу точно не лишень той мелкой наблюдательности, которая часто свойственна умамъ ничтожнымъ, и опредѣлилъ вѣрно родъ своего таланта. Дѣйствительно по легкости и ясности языка, по нѣкоторому довольно веселому остроумію, вообще по духу своему онъ можетъ нѣсколько напоминать Вольтера и Рабле. Но это сходство только наглядно доказываетъ упадокъ французскаго ума. При Рабле, *безпорядочномъ, грубомъ и безстыдномъ*, Франція XVI вѣка *только зацвѣтала*; въ XVII и XVIII она цвѣла и произвела великаго разрушителя Вольтера, котораго съ наслажденіемъ можетъ читать за глубину его остроумія — и враждебный его взглядамъ (конечно зрѣлый) человѣкъ, подобно тому, какъ атеистъ можетъ восхищаться еврейской *поэзіей* псалмовъ. Франція въ половинѣ нашего вѣка дала въ этомъ легкомъ родѣ не болѣе, какъ Абу! Крупные литературные продукты Франціи XIX вѣка совсѣмъ иного рода. Они извѣстны. Онъ самъ смиренно упоминаетъ въ своемъ предисловіи, что Ж.-Зандъ сказала ему: «Вы всегда пропускаете гений сквозь пальцы».

Дальше.

Бокль. Бокль громоздитъ цѣлую кучу фактовъ, цитатъ, познаній для того, чтобы доказать вещь, которую въ утѣху устарѣвшему западному уму доказывали прежде его столь многіе. Именно, что *разумъ* восторжествуетъ надъ всѣмъ. (Что же тутъ оригинальнаго? Разуму *поклонялись* уже въ Парижѣ, въ XVIII вѣкѣ). Онъ, подобно многимъ, нападаетъ на всякую положительную религію, на монархическую власть, на аристократію.

Но положимъ, однако, Бокль правъ, утверждая, что въ исторіи человѣчества законы разума восторжествуютъ, наконецъ, надъ законами физическими и нравственными. Человѣчество (говоритъ онъ вообще о законахъ физическихъ) видоизмѣняетъ природу, природа видоизмѣняетъ человѣка; всѣ событія суть естественныя послѣдствія этого взаимодѣйствія (стр. 15; т. I. Истор. цивилизаціи въ Англіи). О законахъ нравственныхъ онъ, напротивъ того, утверждаетъ, что они въ теченіи исторіи вовсе не измѣняются, а измѣняются законы (или истины) умственные. (См. стр. 133—135 и т. д.).

Итакъ, по мнѣнію Бокля, измѣненіе въ *идеяхъ*, во *взглядахъ* людей влечетъ за собою измѣненіе въ ихъ образѣ жизни, въ ихъ личныхъ и социальныхъ отношеніяхъ между собой.

По мѣрѣ открытія и признанія разумомъ новыхъ истинъ—измѣняется жизнь.

«Умственные истины составляютъ причину развитія цивилизаціи».

Пусть такъ. Но, во-1-хъ, говоря о *развитіи* (т.-е. не о самосознаніи собственно, но объ *увеличеніи разнообразія въ гармоническомъ единствѣ*), можно остановиться прежде всего передъ слѣдующимъ вопросомъ: какъ понимать это слово? И не могъ ли бы мыслящій человѣкъ нашего времени (*именно нашего*) выбрать себѣ предметомъ серьезнаго изслѣдованія такую задачу: *знаніе и незнаніе не суть ли равносильныя орудія или условія развитія?* Про картину развитія государства или общества, націи или цѣлаго культурнаго типа (имѣющаго какъ и все живое свое начало и свой ко-

нецъ) нечего и говорить: до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, было такъ, что ко времени наисильнѣйшаго умственного плодоношенія — разница въ степени познанія между согражданами становилась больше прежняго. Конечно никто не станетъ спорить, что во времена царя Кодра степень умственной образованности (степень знанія) у аѳинскихъ гражданъ была равномѣрнѣе, чѣмъ во времена Платона и Софокла. И франко-галлы временъ Меровинговъ были равнѣе въ умственномъ отношеніи между собой, чѣмъ французы во дни Боссюэта и Корнеля. *Незнаніе даетъ свои полезныя для развитія результаты; знаніе — свои; вотъ и все.* И не углубляясь далеко, не дѣлая изъ этой задачи предметъ особаго серьезнаго изслѣдованія, можно вокругъ себя найти этому множество примѣровъ и доказательствъ. Упомяну только слегка о нѣкоторыхъ. Гёте, напримѣръ, не могъ бы написать Фауста, если бы онъ имѣлъ меньше познаній; а пѣсни Кольцова были бы, навѣрно, не такъ оригинальны, особенны и свѣжи, если бы онъ не былъ едва грамотнымъ простолудиномъ. И опять, если съ другой точки зрѣнія взять того же Фауста... Для того, чтобы какой бы то ни было художникъ, хотя бы самый сильный по дарованіямъ, могъ бы изобразить *живой* характеръ, — развѣ не нужны ему впечатлѣнія *дѣйствительной* жизни? Конечно необходимы. И въ наше время, особенно въ эпоху реализма, кто же станетъ это отвергать?

Итакъ для того, чтобы Гёте могъ изобразить невѣжественную и наивную Маргариту, нужно было ему видѣть въ жизни такихъ невѣжественныхъ и наивныхъ дѣвицъ. *Незнаніе простыхъ нѣмецкихъ дѣвушекъ, сочетааясь со знаніемъ Гёте, дало намъ классическій въ своемъ родѣ образъ Маргариты.* Эпическіе стихи горцевъ, старыя былины, пѣсни, слагаемыя и въ наше время кой-гдѣ *мало знающими* простолудинами, съ любовью разыскиваются *учеными* и даютъ имъ возможность составлять интересные и поучительные сборники; а другими словами — *незнаніе* предковъ и болѣе современныхъ намъ простолудиновъ способствуетъ *движенію* науки, *развитію* знанія у людей ученыхъ, *знающихъ.*